

Чу Ханьюэ заметил: ноги у Цинь Фэна ни капли не дрожали, и тело тоже оставалось совершенно спокойным. Всё это притворство, не иначе. Разыгрывает испуг, чтобы приластиться.

Он давно подметил за ним эту привычку — искать малейший повод, чтобы повиснуть на шее. Поначалу списывал на молодость: мальчишка и мальчишка. Но другие ученики в восемнадцать-девятнадцать держались куда сдержаннее. Скорее всего, дело в прошлом: беспризорник без роду и племени, которого никто в жизни не жалел и не ласкал. Теперь, когда появился наставник, он боялся — боялся быть выгнанным, боялся вернуться к прежней своей жизни. Вот и льнул, и ластился, пытаясь задобрить.

Чу Ханьюэ никогда не умел оставаться безучастным к такой беззащитной мягкости. Что-то сжималось в груди — хотелось сказать: не бойся, никуда я тебя не гоню. Но он себя сдерживал. Слишком много мягкости — и ученик прилипнет намертво, утратит самостоятельность, перестанет расти. С другими учениками и со вторым воспитанником он всегда держал дистанцию. С Цинь Фэном не должно быть иначе.

Чу Ханьюэ ухватил его за ворот, намереваясь поднять, но Цинь Фэн и не думал вставать — лежал в объятиях, запрокинув голову и глядя снизу вверх такими жалобными глазами, что оставалось только хвост пришить. Маленький пёс, не иначе.

— Наставник, — протянул он, — я в первый раз... боюсь.

Чу Ханьюэ поперхнулся. Прикрыл губы кулаком и кашлянул.

«Всё из-за этого бессмертного почтенного. Мысли стали совсем нечистые».

— Раз так боишься — лучше уж оглушу.

Цинь Фэн мгновенно выпрямился.

— Наставник, если вы меня оглушите — понесёте на руках?

— В мешке, — холодно бросил Чу Ханьюэ. — На плече.

Цинь Фэн прекрасно знал: это не пустые слова. Смущённо хохотнул, покосился вниз.

— Ну, в общем-то... и невысоко совсем. Подумаешь. Ничего страшного, ха-ха.

Чу Ханьюэ развернул светозащитный барьер, отгородив их от метели, и они совершили небольшой круг в воздухе, после чего вернулись. Чёрная змея к тому времени уже приняла истинный облик — свернулась маленьким клубком в дальнем углу тёплой лежанки и крепко спала.

Цинь Фэн расстелил постель.

— Наставник, здесь такое тепло — идите отдыхать.

Чу Ханьюэ пощупал лежанку. Горячая.

— Сначала ты.

Цинь Фэн юркнул под одеяло и увидел, как наставник присел на край и извлёк из-за пазухи книгу. На обложке значилось: «Сборник деяний и жизнеописания Бессмертного почтенного Хуаяна».

Цинь Фэн замер.

— Утром не встанешь — упакую в мешок и унесу, — предупредил Чу Ханьюэ, перехватив его взгляд.

— Наставник, а вы разве не будете спать? Управлять мечом в усталости опасно.

Цинь Фэн осторожно потянул к себе уголок наставникова одеяла.

— Наставник... я боюсь упасть и разбиться.

— Не страшно. Я двое суток могу не спать.

Чу Ханьюэ задул свечу и тихо шепнул над книгой — страницы залил тёплый янтарный свет.

Цинь Фэн подпёр щеку кулаком и смотрел на него.

— Наставник, что в книге написано? Расскажите? Я слышал, когда другие дети не могли уснуть, матери рассказывали им сказки на ночь. Мне... никто никогда не рассказывал.

Чу Ханьюэ накрыл ему рот ладонью.

— Слишком много говоришь. Ещё одно слово — оглушу.

Цинь Фэн умолк.

Но сердце у Чу Ханьюэ всё же дрогнуло. Он знал, что другим детям действительно читают вслух на ночь. Сам он в шесть лет уже жил на горе Юньцзянь — и никто ни разу не рассказывал ему сказок, да он и не знал толком, была ли у него мать вообще. В этом они с Цинь Фэном были похожи.

Раньше он рассказывал о деяниях Бессмертного почтенного Хуаяна Цяо Цяньли — правда, на занятиях, в учебных целях. Но раз Цинь Фэн хочет послушать, то почему бы и сейчас не рассказать.

— Тогда начнём с детства бессмертного почтенного.

Чу Ханьюэ перевернул к самому началу. Чтобы было понятнее, изложил простым языком.

— Имя у него было такое же, как у тебя, — Цинь Фэн. Когда он появился на свет, небо затянуло тучами. Гром гремел всю ночь напролёт, и под теми ударами погибло немало злых духов. Деревенские старейшины решили, что в нём переродился небожитель, а мать отдала его постигать Путь.

Цинь Фэн промолчал.

Да уж. Младенцем он ничего не помнил, разумеется. Но наставник сам же рассказывал ему другую историю: что вся деревня сочла этот гром знаком того, что молния ищет именно его, что он — воплощение демона. Что на третий день после рождения мать завернула его и бросила в горах, а нашёл его проходивший мимо даос. Вот как он и оказался на пути Дао.

— Это тоже записано со слов бессмертного почтенного, наставником, а переписал младший ученик? — осторожно уточнил Цинь Фэн.

Чу Ханьюэ взглянул на него и покачал головой.

— Нет. Рассказывал деревенский старейшина деревни Хуаян, записывал младший ученик бессмертного почтенного.

— Деревни Хуаян?

Цинь Фэн удивлённо приподнял бровь. Он помнил то место как деревню Ванцзя — когда успели переименовать? Да и тот старейшина в своё время первым предложил принести его в жертву, чтобы умиловить небеса. А в книге всё выглядит вот так. Что ж — ради тиража, видимо, и не такое напишешь.

Следующим утром Чу Ханьюэ тронулся в путь вместе с Цинь Фэном и Чёрной змеей, принявшей истинный облик.

Верхом этот путь занял бы целый месяц. Они долетели за полдня.

С высоты секта Ваньшань тонула в густом чёрном тумане — тяжёлом, неподвижном, не рассеивающемся. Внизу, как обычно в этих краях, стояло мягкое тепло: снега не было. Но туман не уходил.

Чу Ханьюэ смотрел на него, и что-то щекотало память. Похож на тот, что окутывал окрестности городка Чанцзя. Только запах — иной.

— Чего вы тут напылили, — покачал головой Цинь Фэн, с нескрываемым пренебрежением поглядев на Чёрную змею. — Сюда вообще живым войти можно? Ваш глава-то ещё жив, по моему — вопрос открытый.

— Снаружи туман ядовитый, а внутри всё хорошо, — огрызнулась Чёрная змея.

И отправила главе Фэн Маньло весть через передачу голоса на тысячу ли: вернулась, угодила под воздействие магического паразита, привела с собой двух знакомых из Юньцзянь.

У ворот они прождали добрых полчаса, пока наконец не появился встречающий — ничем не примечательный подросток, который почтительно поклонился Чу Ханьюэ.

— Бессмертный господин Чу, глава приглашает вас.

Секту Ваньшань в народе считали гнездом отравителей. Поговаривали: ядовитые твари там повсюду, и любого, кто явится незваным, объедят заживо. На деле же за воротами оказалось самое обычное место — тихое и опрятное. Ни ядовитой нечисти, ни даже обыкновенной мухи.

Трое последовали за провожатым в главный зал.

Там уже ждали. Мужчина лет двадцати с небольшим — болезненный, хрупкий с виду, однако с такими точёными чертами, что глаз не отвести. Красота капризная, нездоровая — и оттого особенно запоминающаяся.

Это и был Фэн Маньло.

Завидев Чёрную змею, он просиял и быстрым шагом пошёл навстречу, заключая её в объятия.

— Наконец вернулась. Дай посмотрю, что за паразит тебя взял.

Чёрная змея смущённо похлопала его по спине.

— Здесь люди.

Фэн Маньло выпустил её и повернулся к Чу Ханьюэ.

— Давно наслышан о старшем ученике горы Юньцзянь. Говорили — мастерство исключительное. Теперь вижу сам: молва не лгала.

— Вы льстите, — слегка кивнул Чу Ханьюэ и изложил, с чем они пришли.

Лицо Фэн Маньло посерьёзнело. Он осмотрел хвост Чёрной змеи, затем по очереди проверил Чу Ханьюэ и Цинь Фэна.

— Паразита в вас я не ощущаю. Возможно, он слишком искусно прячется. Вот что: я переговорю со старейшинами — может, кто-нибудь из них сумеет его обнаружить. А пока поживите у нас.

<http://bllate.org/book/17570/1657783>